

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

УДК 021(091) + 01(470)(09)

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2024-12-15-32>

Библиографоведческая теория Н. А. Слядневой: вызовы, риски, возможности

Н. В. Лопатина^{1, 2}

¹Московский государственный институт культуры,
Московская область, Химки, Российская Федерация

²Научный и издательский центр «Наука» РАН,
Москва, Российская Федерация

lis.mgik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8135-0384>

Аннотация. Представлен анализ теоретического наследия российского библиографоведа Наталии Андриановны Слядневой (1950–2023), проведённый с позиций современной теории и практики библиографии. Цель исследования – раскрытие и популяризация в профессиональной среде идеодокументографического подхода, разработанного Н. А. Слядневой в рамках диссертации на соискание учёной степени доктора педагогических наук, защищённой в 1994 г. В ходе исследования определены мировоззренческие установки, на которых базируется идеодокументографический подход, раскрыта его новизна, исходя из состояния библиографической науки в момент его разработки. Теоретическая и практическая значимость теории Н. А. Слядневой оценивается с точки зрения её влияния на современную информационную среду. С помощью актуального понятийного аппарата библиотечно-информационных наук раскрыты логика теоретического конструирования и основные положения теории Н. А. Слядневой: авторское понимание библиографии и библиографического метода, специфика рассмотрения объекта библиографического отражения, иерархия суверенных информационных объектов (смысл, текст, документ, автор), цикл создания библиографической информации. Сделана попытка объяснить причины, по которым теория не нашла реализации в профессиональных практиках, и выявить следствия отрицания идеодокументографических форм библиографической информации. При подготовке статьи использованы материалы из личного архива автора.

Ключевые слова: библиография, библиографоведение, Н. А. Сляднева, библиографический метод, идеодокументографическая теория, суверенные информационные объекты, история науки

Для цитирования: Лопатина Н. В. Библиографоведческая теория Н. А. Слядневой: вызовы, риски, возможности // Научные и технические библиотеки. 2024. № 12. С. 15–32. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2024-12-15-32>

LIBRARY HISTORY

UDC 021(091) + 01(470)(09)

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2024-12-15-32>

N. Slyadneva's bibliography theory: Challenges, risks, and opportunities

Natalya V. Lopatina^{1,2}

¹*Moscow State Institute of Culture, Moscow Region, Khimki, Russian Federation*

²*"Nauka" Research and Publishing Center, Russian Academy of Sciences,*

Moscow, Russian Federation

lis.mgik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8135-0384>

Abstract. The author discusses the theoretical legacy of Russian bibliography scientist Natalia Andrianovna Slyadneva (1950–2023) through the lens of the contemporary bibliographic theory and practice. She attempts to reveal and promote among the scientific community the ideodocumentographic approach developed by N. Slyadneva in her doctor's thesis of 1994. The concepts of the ideodocumentographic approach and its value for the bibliographic science for that period are discussed; its theoretical and practical impact on the contemporary information environment is examined. Within the relevant conceptual framework of library and bibliographic sciences, the logics of theoretical construction and the theory key provisions are revealed: Slyadneva's understanding of bibliography and bibliographic method, specific character of bibliographic object contemplation, hierarchy of sovereign information entities (meanings, text, document, author), and bibliographic information cycle. The author endeavors to explain why the theory has not been implemented in the professional practice and to identify the consequences of rejecting ideographic forms of bibliographic information. The article is based on the author's private archive.

Keywords: bibliography, bibliographic studies, Natalia Slyadneva, bibliographic method, ideodocumentographic theory, sovereign information objects, history of science

Cite: Lopatina N. V. N. Slyadneva's bibliography theory: Challenges, risks, and opportunities // Scientific and technical libraries. 2024. No. 12, pp. 15–32. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2024-12-15-32>

17 декабря 2023 г. ушла из жизни выдающийся российский учёный в области библиографоведения, социальной информатики и информационно-аналитической деятельности Наталия Андриановна Сляднева – одна из самых ярких и неординарных фигур в наших науках. Её теоретическое наследие оказалось неоднозначно оценённым профессиональным сообществом в 1990-е, непонятым в 2000-е, невостребованным в 2010-е и фактически забытым в 2020-е гг. Разговор о личности Наталии Андриановны, её вкладе в библиотечно-информационное образование, в историю Московского государственного института культуры, в отраслевую науку в рамках специального мемориального мероприятия «Легенды библиотечной профессии» [1. С. 32–33] на Восьмом международном профессиональном форуме «Книга. Культура. Образование. Инновации» («Геленджик-2024») показал важность раскрытия и популяризации в профессиональной среде её библиографоведческой теории, которая становится особенно значимой для реализации стратегической повестки развития отрасли [2] в условиях, которые были спрогнозированы и фундаментально осмыслены Н. А. Слядневой 30 лет назад. Эта статья посвящена той части теоретического наследия выдающегося учёного, которая связана с библиографоведением и разработана в докторской диссертации [3], защищённой Н. А. Слядневой на соискание учёной степени доктора педагогических наук в виде монографии [4].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. основная идея этой работы, «послание» профессиональному сообществу заключались в расширении устоявшихся представлений о границах информационной сферы: мир библиографических явлений, который оказывает влияние на культуру, знание, науку, политику, повседневную жизнь человека, намного

шире и разнообразнее, чем мир книги и документа. Несмотря на появление в этот период целого пула публикаций, рисующих грядущие изменения информационной среды, впервые обоснованные очертания профессионального будущего мы увидели именно в монографии Н. А. Слядневой. В первую очередь, речь шла о предвидимой смене доминирующих форматов информационного оперирования, которые будут базироваться на иных представлениях об инфокванте, зададут новые задачи управления информационными массивами и потоками и изменят общественную жизнь. Безусловно, спрогнозировать масштабы, темпы и непрерывный характер этих изменений в рамках существовавших на тот момент времени методологий было невозможно, но аргументировалось предположение о том, что усложненная структура «нового информационного мира» повлечёт появление новых информационных барьеров. Именно в этих условиях возрастают возможности библиографии как «системы свёрнутого знания» (гениальная формула, которую вывел в начале 1980-х гг. Ю. С. Зубов-старший [5]) и библиографического метода как фундаментального и универсального инструмента познания, управления инфосферой.

Исследования предшествующих периодов рассматривали библиографию исключительно в рамках систем документальных коммуникаций. Но документографическая парадигма, в основе которой лежит революционная в своё время теория О. П. Коршунова [6], на новом этапе не могла объяснить всю библиографическую феноменологию – причём как в перспективном режиме, так и в ретроспективном. Требовался шаг вперёд в теоретическом конструировании – разработка «целостной концепции информационной среды и метода её организации» [3], которая могла бы дать «теоретико-методологические подходы к единым технологическим решениям в области проектирования информационных систем», систем, существовавших на тот момент времени только на уровне моделей и прототипов. В настоящей статье раскрываются основные библиографоведческие положения теории Н. А. Слядневой, которые анализируются в проекции современного состояния информационной среды и актуального понятийного аппарата. Н. А. Сляднева предлагает видеть в библиографии «феномен, не ограниченный только документальными коммуникациями, но уходящий

корнями в глубинные пласты сознания (мышления, речи, понимания, запоминания, трансляции знаний)» [3. С. 6–7]: она делает соразмерным нашей памяти, сознанию, вниманию либо привычным каналам социальной коммуникации огромные тексты, неподъёмные документы, информационные массивы и потоки, весь совокупный запас общественного знания, сворачивая их до моделей необходимого уровня «сжатия».

Основу библиографии, её сущность составляет особый метод познания и преобразования действительности – библиографический метод, который заключается в свёртывании информационных объектов различного качества и создании их моделей посредством отражения тех их существенных черт, которые достаточны для замещения объекта в определённых случаях оперирования им, в конкретных коммуникативных ситуациях.

Хотелось бы обратить внимание, что в этой части своей теории Н. А. Сляднева опиралась на теорию библиографии как системы свёрнутого знания Ю. С. Зубова-старшего [5]. Одним из базовых положений его концепции выступает утверждение о том, что любому дискретному массиву необходима ориентировочно-поисковая система, но её элементы будут эффективными лишь в том случае, если одновременно смогут отражать фундаментальные особенности организации знания (научного, художественного, житейского) и фундаментальные особенности потребителей этого знания.

Именно эта двойственность является точкой сближения методологических платформ О. П. Коршунова [6] и Ю. С. Зубова / Н. А. Слядновой [3, 5], для которых библиография всегда композит источника (документа) и потребителя (пользователя) или, говоря языком рассматриваемого исторического периода, «система отношений “документ – потребитель”». Это фундаментальное положение библиографоведения часто игнорируется вторым и третьим поколениями разработчиков информационных систем для библиотек, агрегаторов электронных библиотечных систем, сделавших акцент на полноте и точности данных о единицах хранения без моделирования интеллектуальной составляющей информационного поведения пользователя (то есть того, что прекрасно реализовывали мастера «бумажной» рекомендательной библиографии А. М. Горбунов [10], С. П. Бавин [11] и др., того, что мы пытались доказать на новом витке развития библиографии и реализовать на уровне прототипов уже с помощью информационных техноло-

гий в середине 1990-х гг. [12]). Проведённое в 2023–2024 гг. Н. И. Гендиной и Е. В. Косолаповой исследование «по существу» предложений рынка ЭБС для высших учебных заведений [13, 14] выявило несоответствие лингвистического обеспечения этих электронных библиотек поисковым траекториям современных студентов, специфике интеллектуальной деятельности и информационного поведения поколения Z. Однако наиболее шокирующей для нас оказалась реакция на результаты упомянутого исследования одного из лидеров рынка таких ЭБС, который в ходе переговоров коммерческого характера продемонстрировал непонимание того, зачем вообще учитывать пользователя, и не знал о роли, которую играет в любой информационной системе лингвистическое обеспечение. Соответствующие примеры мы встречаем и в ходе изучения стриминговых платформ, контентных, в том числе книжных, сервисов ведущих экосистем, что делает уязвимой реализацию императивных и социокультурных механизмов управления обществом в условиях цифровых режимов информационного оперирования.

Точкой расхождения теорий О. П. Коршунова и Н. А. Слядневой стал центральный вопрос любой методологической платформы в библиографоведении – об объекте библиографического отражения. Этот вопрос сегодня касается всех проблем, стоящих перед современной практикой. Даже в классических, но устаревших книговедческих концепциях К. Н. Дерунова, Н. Н. Здобнова и других представителей библиографической науки начала XX в. этот вопрос носил принципиальный характер. С точки зрения современной документологии отстаивание в этот исторический период печатной книги как единственного объекта библиографического отражения (отграничение от рукописей и ряда других документов) носило искусственный характер, но с точки зрения практики имело огромное значение для организации и институционализации библиографической деятельности, сформировав, по сути, основы архитектуры национального библиографического института (книжной палаты), которые сохранились в общих чертах и по сей день. Драматические и интересные коллизии ознаменовали переход от книговедческой к документографической («коршуновской») методологической платформе, которая, развивая предшествующие установки, расширяла представления об объекте библиографического отражения

с помощью обобщающего понятия «документ» и выводила библиографическую деятельность за границы книжного дела в более широкую систему социальных коммуникаций.

Осмысление с позиций сегодняшнего дня масштабов и характера технологических прорывов 1980-х гг. наводит на мысль о логичности возникновения на этом этапе внимания к медиа как совокупности каналов распространения контента (что произошло гораздо позже и вне библиографического контекста) и медиаграфии как продолжения экстенсивной акцентной традиции, основанной на приоритете «формы» (материальной составляющей документа [7], методологического афоризма «The Medium is the Message» [8], преобладания «материальности коммуникации» [9] над «содержанием» (семантической составляющей источника информации)).

Однако вектор теоретического конструирования Н. А. Слядневой был направлен через множественность уровней процесса оборота информации внутрь совокупности информационных объектов, которыми оперирует человек. «Документографическая парадигма трактует производство библиографической информации, исходный акт библиографической деятельности как отчуждение от документа сведений о нём и использование этих сведений, упорядоченных по определённым правилам... Но это не охватывает всего спектра библиографических явлений. Реальная деятельностная картина значительно сложнее и богаче» [3. С. 12].

Н. А. Сляднева доказывает, что библиографическая информация появляется гораздо раньше, чем книга выходит из печати и занимает своё место на полке книжного магазина или библиотеки, – на уровне рождения авторского замысла, идеи создаваемого знания, уровне прогностической библиографической информации, опережающей даже появление названия.

Развёртывая замысел, автор создаёт новое содержание (контент), которое воплощается в виде текста. В этом тексте он строит «связь авторского текста с другими текстами (и документами) по теме» и «вписывает новое знание в контекст существующего» [Там же. С. 12] с помощью библиографической информации особого вида, позволяющей:

построить аналогии или оппозиции с другими смыслами, идеями (например, в этой статье мы упоминаем документографическую парадигму и О. П. Коршунова как её основателя в большинстве случаев без ссылки на конкретную книгу в списке источников, так как подразуме-

вается, что целевая аудитория способна «читать» эту библиографическую формулу и экстрагировать те смыслы, которые без повторения описывающих их текстов необходимы для понимания посредством «различания» идей Н. А. Слядневой);

передать замысел и образы автора с помощью реминисценций, аллюзий, намёков, создавая ассоциации с общеизвестными названиями, фактами, персонами и персонажами, мифами, используя крылатые фразы, неявные цитаты из других художественных произведений и т. п., вплетая их в уже существующее культурное полотно, что ёмко обогащает текст и расширяет контекст его восприятия, выступает инструментом художественного творчества и не требует указания данных о конкретном издании (но не исключает этого в рамках аппарата книги).

Этот вид библиографической информации в своих опубликованных работах Н. А. Сляднева называла латентной (скрытой, нефиксируемой) библиографической информацией, хотя в более поздний период в межличностной коммуникации она использовала обозначение «контекстная библиографическая информация».

Реализуя замысел в тексте, автор опять же в рамках своей «творческой лаборатории» создаёт информационные элементы, «индивидуализирующие, означивающие текст, организующие его структуру, возможные стратегии и траектории чтения и ориентацию в его содержании. Автор отдаёт тексту своё имя, формулирует его название, определяет жанр и назначение, структуру разделов, вспомогательные предметные, именные и другие указатели, резюме и предисловия» [3. С. 12] – этот вид библиографической информации Н. А. Сляднева называет «аффинная» и показывает, что именно эти данные обладают наибольшим научным и эвристическим потенциалом и, будучи отчуждёнными от источника, могут самостоятельно циркулировать в различных контекстах, в иных источниках, информационных средах.

На уровне публикации текста (издания, публичного представления в различных форматах и средах) элементы аффинной библиографической информации дополняются издательскими («постэдиционными») аннотациями, классификационными индексами, выходными данными, издательскими предисловиями и т. п.

В результате такого теоретического конструирования была смоделирована динамичная иерархическая система самостоятельных (суверенных) – уникальных, отличных от других, отграниченных от контек-

ста – информационных объектов: смысл, текст (в виде фрагментов и произведений), собственно документ и автор как специфический информационный феномен [3. С. 8–9].

Это позволило сконцентрировать не только библиографию, но и всё многообразие видов социально-информационного взаимодействия (которому посвящены поздние работы Н. А. Слядневой) не столько на уровне издания, сколько на уровне контента и смысла как информационного объекта, без которого не существуют тексты и документы.

Полнота и точность раскрытия сведений об информационном объекте не являются вопросом следования регламентированным или нормативно закреплённым форматам. Это понимание того, какие характеристики информационного объекта значимы в данной ситуации, и применение этого в свёртывании и отражении именно этих характеристик при замещении документа, текста, произведения или их фрагментов или их массивов и т. п. И именно понимание того, с какой целью в конкретный момент времени те или иные характеристики информационных объектов необходимы потребителю, выступает основным условием применения библиографического метода. По сути, именно в этом понимании (или, вернее, непонимании) и кроется причина того, что, несмотря на растущие возможности информационных технологий, мы не сумели подняться в информационно-аналитической деятельности выше тех планок, которые были установлены в начале 1990-х гг., причём не только на уровне конкретных решений, но и на уровне логик и методологий, на которые мы продолжаем опираться сегодня, когда разрабатываем инструменты искусственного интеллекта.

На наш взгляд, именно эта теория создавала предчувствие интеллектуализации информационного пространства, появления смысловых приоритетов в отражении данных в различных информационных средах. По мнению Н. А. Слядневой, «цель интеллектуализации информационной инфраструктуры заключается в создании системы производства и передачи на входы управляющих блоков социума смылосодержащей информации, максимально отвечающей задаче формирования и принятия управленческих решений» [15]. Эта цель не была достигнута.

Концепция, предложенная Н. А. Слядневой и оценённая многими коллегами как революционная, не являлась таковой по сути. Это была попытка перейти на следующий виток развития: опираясь на достижения библиографической теории, методологические и концептуальные

разработки конца 1980-х гг., Наталия Андриановна делала следующий шаг ровно в той же исследовательской традиции – расширения представлений об объекте библиографического отражения в сторону новых практик оперирования информации с помощью информационных технологий. Именно отход от центральных позиций документа в этой теоретической конструкции вызывал непонимание у мэтров библиотечной и библиографической науки, что и стало предметом одной из самых ярких и интересных дискуссий в библиотечно-информационных науках.

С одной стороны, это было настороженное и опасливое ожидание новых информационных практик в силу скептического отношения к компьютерным технологиям, попытка противостояния историческому характеру трансформационных перспектив. В ходе межличностного общения в последующие годы мы с Наталией Андриановной неоднократно обсуждали причины, по которым созданная ей теория библиографии, получившая авторское обозначение «идеодокументографическая», не нашла реализации в профессиональных практиках изменившегося мира, контуры которого были достаточно точно спрогнозированы в монографии; насколько игнорирование этого знания сыграло роль в будущем библиографической практики, в её институционализации, в репрезентации библиографической профессии. Отдельные размышления были представлены в интервью с Н. А. Слядневой журналу «Культура: теория и практика» [16], в котором она говорила об инерционности мышления наших коллег, «запрограммированным представлением о том, что О. П. Коршунов совершил революцию (а он действительно совершил революцию), а другой революции уже быть не может. И они жили в той реальности, которую обрисовал О. П. Коршунов, а мир начал изменяться так интенсивно, что эта инерция оказалась губительной» [Там же]. По её мнению, «люди, которые преподавали, исследовали, использовали библиографическое знание, просто игнорировали новые подходы, а учреждения, которые выпускали библиографическую продукцию, тоже не хотели меняться. Две эти совокупные тенденции и дали такой результат» [Там же].

С другой стороны, «слядневская» траектория теоретической разработки этого вопроса продемонстрировала иную направленность, что особенно видно сегодня, когда картина мира, спрогнозированная 30 лет назад, стала реальностью. Именно на этом – идеографическом – уровне наиболее выпукло виден информологический генезис библио-

графии, её фундаментальный и универсальный характер для всей информационной сферы. Это расширило понимание возможностей тех форм оперирования знаниями, данными, которые исторически получили название «библиография», а также представлений о сфере её существования, границы которой намного шире сферы документных коммуникаций. Этот принципиально важный момент нередко забывается библиотечным сообществом: библиография и библиотечное дело – два разных мира, соприкасающихся, пересекающихся, но не сходящих со своих орбит. Библиотечное дело использует библиографический метод, библиографические инструменты для решения своих задач, но библиография намного масштабнее, фундаментальнее и не может сводиться только к каталогизации и форматам представления данных о документном массиве – на уровне одной библиотеки, библиотечной отрасли в целом или на уровне массива всей печатной продукции, изданной на территории государства. Библиография – явление цивилизационного порядка, бытование и функционирование которого намного шире. Она способна оказать совершенно уникальное воздействие как на человека, его интеллектуальную деятельность, внутренний мир, культуру, так и на общество в целом, организуя его знаниевый запас и потенциал, всю совокупность социально значимых данных.

По мнению Наталии Андриановны, документографическая методология и искусственное ограничение объекта библиографического отражения в условиях новых информационных режимов показали «невозможность объяснить новые формы информационно-библиографического сервиса и прогнозировать отдалённые перспективы развития библиографической деятельности» [3. С. 6]. На наш взгляд, это стало фактором, затормозившим развитие не только библиографических инструментов, но и организационных форм и институтов библиографии. В данном случае речь идёт не столько о вытеснении библиографической деятельности из российских библиотечных практик в начале 2000-х гг., о сокращении пула библиографов и размывании библиографической профессии, что стало, в первую очередь, закономерным следствием информационного развития, а также не о разговорах о том, что будущее за «цифровым библиографом» как технологией автоматического экстрагирования метаданных из электронного документа и формирования рефератов посредством языковых моделей нового поколения. Именно разнообразие форм библиографической информации

необходимо для организации знания как особого социального ресурса в русле сентенции «кто владеет информацией, тот владеет миром». Данные о документальном источнике знания – лишь один из самых простых случаев информационного свёртывания. Сегодняшний уровень технологического развития достаточен для решения задач иного качества, более глубокого интеллектуального проникновения, но низок уровень постановки этих задач, недостаточно разработаны идеологии информационно-аналитических систем и сервисов нового поколения, не накоплены необходимые массивы данных, позволяющие реализовывать автоматизированную работу в информационных массивах с получением результатов достаточного интеллектуального качества.

Кроме того, библиография является свёрнутым отражением знания в целом, а не только отражением дискретных источников. В связи с этим движение к созданию единого цифрового пространства невозможно без понимания роли библиографии в механизмах интеграции и управления композитными информационными системами нового поколения. Идеографическая методология доказывает целесообразность и возможность информационно-аналитического отражения не только конкретных идей, результатов интеллектуальной деятельности, работ учёных и научных коллективов, художественных произведений, но и континуумов научного знания и художественной информации, отдельных их подмножеств и фрагментов. В основе этого – раскрытие механизмов той целостности, благодаря которой наука, культура, публичная политика не рассыпаются на дискретные направления, идеи, тексты, информационные ресурсы, а сохраняют концептуальное, содержательное и институциональное единство. В современных геополитических условиях этот комплекс информационно-аналитических задач вновь приобретает особую актуальность и значимость, ибо одна из ключевых функций системных библиографических моделей информационных массивов и потоков – демонстрация развития идей, характера их социальной диффузии, динамики их профессиональных и социальных оценок, что всегда было принципиальной установкой научной школы Н. А. Слядневой и Ю. С. Зубова-старшего и их последователей.

Отрицание идеографических и синтетических форм библиографической информации в период 1990–2010 гг. в новых условиях привело к упущенным возможностям в управлении информационным пространством и информационными процессами макроуровня:

искусственное затормаживание идеографического вектора библиографических практик не позволило библиотеке занять более сильные позиции на информационном рынке, рынке научно-технических знаний на том этапе, когда именно этот институт аккумулировал информационный ресурс, в дальнейшем – стать «фабрикой мысли» и основой современных экосистем;

недооценка идеографических форм и их социально-управленческого потенциала стала одной из причин неуправляемости информационного пространства, контентных индустрий и культурных практик в прошедшие два десятилетия, проникновения в общественную жизнь деструктивных кодов, императивов, идеологий, ценностных установок, моделей поведения (и этот вопрос требует особого рассмотрения в культурологическом русле библиотечно-информационных наук);

документоцентризм сформировал систему барьеров информационно-аналитического обеспечения науки, технологического творчества и интеллектуальной деятельности и стал одной из установок тех методологий оценки эффективности научной работы, которые основаны на количественном документографическом, а не качественном смысловом анализе информационных потоков. Цифровой экономике нужна новая инфраструктура, основанная на интеллектуальном типе хранения научного знания, и условием рационального использования интеллектуального ресурса государства выступает обозримость смыслов, а не только документов, в которых они были опубликованы;

игнорирование разнообразия форм существования библиографической информации, невнимание к «роли и месту библиографии в процессах индивидуального сознания человека, в индивидуальной творческой лаборатории, в процессах переработки информации в недокументных уровнях информационных коммуникаций» [3. С. 6] определило, в своё время, неготовность социума к режиму web 2.0 и далее, на следующих этапах его репрезентации – к пониманию рисков неуправляемости и возможностей регулирования оборота данных, смыслов, текстов в соцсетях, что мы могли наблюдать в условиях политических эскалаций;

документографическая ориентированность национального библиографического института в его нынешнем функционале не позволяет перейти к решению задач следующего уровня – учитывать, архивировать и кумулировать не только печатную продукцию, но и социально

значимую информацию, существующую и функционирующую в иных документных формах и вне традиционных документных форм (например, распределённые реестры, стриминговые платформы), генерируемую в цифровых форматах (например, отдельные, отобранные экспертами материалы соцсетей, блогосферы и т. д.). Цифровая эпоха определяет новые модели оборота социально значимой информации, новые конфигурации «библиографической» регистрации всего разнообразия информационных объектов и ставит задачу выработки идеологии и политики отбора: внимание к контенту; интеллектуализацию оценки знаниевого ресурса страны; отражение идей, событий, явлений в информационных потоках разных типов и видов;

неразработанность идеографической методологии и отсутствие доказательного опыта её трансфера до уровня прикладных инструментов информационного оперирования сегодня упрощают направленность разработок в области технологий искусственного интеллекта для информационно-аналитической деятельности, контентных индустрий, в том числе книжного дела, социально-информационных практик, культурного и гуманитарного просвещения и т. д.

Теория Н. А. Слядневой доказала существование разных сред формирования библиографической информации. И абсолютно точно метасистема библиографии – это не библиотечное дело, и её нельзя даже номинально и административно вписывать в эти рамки. Её метасистема – весь Универсум человеческой деятельности [4], потому что вольно или невольно каждый день мы оперируем не просто знаниями, данными, информационными сообщениями, мы оперируем информационными моделями, позволяющими мгновенно идентифицировать источники и осуществить переход как к дискретным информационным объектам, так и к целостной картине мира знания. В этом и заключается сложность её оформления в качестве специфической отрасли экономики, что усугубляется в условиях встраивания национального библиографического института в библиотеку, ограничившее открывшиеся возможности управления библиографическими процессами в русле системной интеграции производимых и сохраняемых данных.

Особое значение теория Н. А. Слядневой имеет в проекции современного этапа развития библиографоведения. Из всех библиотечно-информационных наук только библиографоведение дало самый важный и самый достойный для науки результат – фундаментальный и

универсальный библиографический метод, который можно сравнить по роли в процессе познания с математическим или социологическим инструментарием. Именно здесь возникает «ловушка» библиографоведения и сформировавшихся в её рамках научных направлений, например, теории рекомендательной библиографии, теории информационно-аналитического обеспечения науки и т. д. Большинство исследователей концентрирует своё внимание либо на осмыслении библиографических явлений в науках о культуре, либо представляют результаты применения библиографического метода в анализе информационных потоков, профилируемых по заданным критериям, что ведёт к получению выводного, а не научного знания, обладающего новизной и практической значимостью для современной экономики. К сожалению, не развивается сам инструментарий познания информационной сферы, в основе которого лежит библиографический метод и его вариации, мы не получаем объяснений информационных процессов, разработок, которые позволяют регулировать цифровые трансформации в культуре, науке, политике, экономике, образовании.

Почему наука, имеющая столь высокий методологический статус, находится сегодня в стагнации? Этот вопрос поднимался в наших предыдущих статьях и выступлениях, посвящённых проблемам организации библиотечно-информационных наук в современных условиях. В «золотой период» библиографоведения (1970–2000 гг.) был сформирован мощный методологический арсенал, который, отличаясь высоким уровнем концептуального плюрализма, позволил рассмотреть с разных сторон вопросы, имеющие фундаментальный и прикладной характер для развития библиографии в условиях цифровых режимов информационного оперирования. Почему же в тот момент, когда те самые «предвидимые изменения» стали явью, библиографоведческая мысль перешла от развития идей к их сдерживающему сохранению и механической репрезентации в динамичных практиках, а затем – к редукции? Несмотря на то, что эти вопросы носят не риторический характер, в этой статье оставим их без ответа для того, чтобы мы все могли задуматься о точках роста библиографоведческой идеи.

Список источников

1. **Восьмой** международный профессиональный форум «Книга. Культура. Образование. Инновации» («Геленджик-2024»): Программа 9–15 июня 2024 г., Геленджик, Краснодарский край, Россия / Государственная публичная научно-техническая библиотека России. URL: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/gelendzhik2024/program.pdf> (дата обращения: 12.10.2024).
2. **Стратегия** развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 марта 2021 года № 608-П. URL: <http://static.government.ru/media/files/NFWPpXpAAAEbPW60HiZiDvdZZ8AcSNUu.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).
3. **Сляднева Н. А.** Библиография в системе Универсума человеческой деятельности: Опыт системно-деятельностного анализа: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Специальность 05.25.03. Библиотековедение и библиографоведение / Московский государственный институт культуры. Москва, 1994. 31 с.
4. **Сляднева Н. А.** Библиография в системе Универсума человеческой деятельности: Опыт системно-деятельностного анализа. Москва : Изд-во МГИК, 1993. 225 с.
5. **Зубов Ю. С.** Библиография как система свёрнутого знания // Теоретико-методологические проблемы современного советского библиографоведения : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 47. Москва, 1981. С. 23–40.
6. **Коршунов О. П.** Проблемы общей теории библиографии : монография. Москва : Книга, 1975. 191 с.
7. **Столяров Ю. Н.** Исходные постулаты документологии – всеобщей теории документа // Научные и технические библиотеки. 2021. № 2. С. 15–40.
8. **Маклюэн М.** Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. 2-е изд. Москва : Гиперборей : Кучково поле, 2007. 464 с.
9. **Гумбрехт Х. У.** Производство присутствия: Чего не может передать значение / пер. с англ. С. Зенкина. Москва : Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
10. **Горбунов А. М.** Панорама веков : Зарубежная художественная проза от возникновения до XX в. : Популярная библиографическая энциклопедия. Москва : Книжная палата, 1991. 576 с.
11. **Бавин С. П.** Зарубежный детектив XX века : (в рус. пер.) : Популярная библиографическая энциклопедия. Москва : Книжная палата, 1991. 202 с.
12. **Лопатина Н. В.** Создание компьютерного аналога рекомендательного библиографического пособия по художественной литературе : вопросы теории и методологии : дис. ... канд. пед. наук : 05.25.03. Москва, 1996. 179 с.
13. **Гендина Н. И., Косолапова Е. В.** Функциональность ЭБС в сфере поиска информации: результаты сравнительного анализа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 1 (117). С. 169–183.
14. **Гендина Н. И., Косолапова Е. В.** Электронные библиотечные системы в фокусе цифровой дидактики и когнитивных особенностей цифрового поколения // Библиосфера. 2024. № 1. С. 7–17.

15. **Сляднева Н. А.** Информационно-аналитическая деятельность: проблемы и перспективы // Факт. 2006. № 6.
URL: https://www.hse.ru/data/2012/01/20/1263723428/2001_Сляднева%20НА_Аналитическая%20деятельность%20-%20Проблемы%20и%20перспективы_153%20Kb.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
16. **Сляднева Н. А., Лопатина Н. В.** «Если и стоит заниматься чем-то, то только тем, что интересно» [интервью главного редактора журнала Н. В. Лопатиной с профессором Н. А. Слядневой] // Культура: теория и практика. 2020. № 1 (34). URL: <http://theoryofculture.ru/issues/112/1317/> (дата обращения: 12.10.2024).

References

1. **Vos`moi` mezhdunarodny`i` professional`ny`i` forum «Kniga. Kul`tura. Obrazovanie. Innovacii» («Gelendzhik-2024»):** Programma 9–15 iyunia 2024 g., Gelendzhik, Krasnodarskii` krai`, Rossiia / Gosudarstvennaia publichnaia nauchno-tehnicheskaiia biblioteka Rossii. URL: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/gelendzhik2024/program.pdf> (data obrashcheniia: 12.10.2024).
2. **Strategiia razvitiia bibliotchnogo dela v Rossii`skoi` Federacii na period do 2030 goda.** Rasporiazhenie Pravitel`stva Rossii`skoi` Federacii ot 13 marta 2021 goda № 608-R. URL: <http://static.government.ru/media/files/NFWPpXpAAAEbPW60HiZiDvdZZ 8AcSNuu.pdf> (data obrashcheniia: 28.08.2024).
3. **Sliadneva N. A.** Bibliografiia v sisteme Universuma chelovecheskoi` deiatel`nosti: Opy`t sistemno-deiatel`nostnogo analiza: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Spetsial`nost` 05.25.03. Bibliotekovedenie i bibliografovedenie / Moskovskii` gosudarstvenny`i` institut kul`tury`. Moskva, 1994. 31 s.
4. **Sliadneva N. A.** Bibliografiia v sisteme Universuma chelovecheskoi` deiatel`nosti: Opy`t sistemno-deiatel`nostnogo analiza. Moskva : Izd-vo MGIK, 1993. 225 s.
5. **Zubov Iu. S.** Bibliografiia kak sistema svyornutogo znaniia // Teoretiko-metodologicheskie problemy` sovremennogo sovetskogo bibliografovedeniia : mezhvuzovskii` sbornik nauchny`kh trudov. Vy`p. 47. Moskva, 1981. S. 23–40.
6. **Korshunov O. P.** Problemy` obshchei` teorii bibliografii : monografiia. Moskva : Kniga, 1975. 191 s.
7. **Stoliarov Iu. N.** Ishodny`e postulaty` dokumentologii – vseobshchei` teorii dokumenta // Nauchny`e i tehniccheskie biblioteki. 2021. № 2. S. 15–40.
8. **MacLiue`n M.** Ponimanie media: vneshnie rasshireniia cheloveka / per. s angl. V. G. Nico-laeva. 2-e izd. Moskva : Giperboreia : Kuchkovo pole, 2007. 464 s.
9. **Gumbrecht KH. U.** Proizvodstvo prisutstviia: Chego ne mozhnet peredat` znachenie / per. s angl. S. Zenkina. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 184 s.

10. **Gorbunov A. M.** Panorama vekov : Zarubezhnaia hudozhestvennaia proza ot voznikoveniia do XX v. : Populiarnaia bibliograficheskaia e`ntsiclopediia. Moskva : Knizhnaia palata, 1991. 576 s.
11. **Bavin S. P.** Zarubezhny`i detektiv XX veka : (v rus. per.) : Populiarnaia bibliograficheskaia e`ntsiclopediia. Moskva : Knizhnaia palata, 1991. 202 s.
12. **Lopatina N. V.** Sozdanie komp`iuternogo analoga rekomendatel`nogo bibliograficheskogo posobiia po hudozhestvennoi` literature : voprosy` teorii i metodologii : dis. ... kand. ped. nauk : 05.25.03. Moskva, 1996. 179 s.
13. **Gendina N. I., Kosolapova E. V.** Funktsional`nost` E`BS v sfere poiska informatscii: rezul`taty` sravnitel`nogo analiza // Vestneyk Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul`tury` i iskusstv. 2024. № 1 (117). S. 169–183.
14. **Gendina N. I., Kosolapova E. V.** E`lektronny`e bibliotchny`e sistemy` v fokuse tsifrovoi` didaktiki i kognitivny`kh osobennosti` tsifrovogo pokoleniia // Bibliosfera. 2024. № 1. S. 7–17.
15. **Slidneva N. A.** Informatcionno-analiticheskaia deiatel`nost` : problemy` i perspektivy` // Fakt. 2006. № 6.
URL: https://www.hse.ru/data/2012/01/20/1263723428/2001_Sliadneva%20NA_Analiticheskaya%20deiatel`nost`%20-%20Проблемы%20и%20перспективы_153%20Kb.pdf (data obrashcheniia: 12.10.2024).
16. **Slidneva N. A., Lopatina N. V.** «Esli i stoit zanimat`sia chem-to, to tol`ko tem, chto interesno» [interv`iu glavnogo redaktora zhurnala N. V. Lopatinoi` s professorom N. A. Slidnevoi`] // Kul`tura: teoriia i praktika. 2020. № 1 (34). URL: <http://theoryofculture.ru/issues/112/1317/> (data obrashcheniia: 12.10.2024).

Информация об авторе / Author

Лопатина Наталья Викторовна – доктор пед. наук, профессор, заведующая кафедрой библиотечно-информационных наук Московского государственного института культуры, Московская область, Химки, Российская Федерация; главный научный сотрудник Научного и издательского центра «Наука» РАН, Москва, Российская Федерация
lis.mgik@yandex.ru

Natalya V. Lopatina – Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Head, Library and Information Studies Chair, Moscow State Institute of Culture, Moscow Region, Khimki, Russian Federation; Chief Researcher, “Nauka” Research and Publishing Center, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
lis.mgik@yandex.ru